

Бай Цзыцин с трудом посмотрел на то, что держал в руках Сяо Цзю.

— Тогда... тогда я...

— Только что евнух... принёс три чи белого шёлка... — Сяо Цзю поклонился до земли, его голос дрожал сильнее, чем у Цзыцина, и он едва мог говорить. — Император... император велел вам... наложить на себя руки...

.....

Воспоминания резко оборвались.

Бай Цзыцин закрыл глаза, затем снова открыл, слыша своё тяжёлое и с трудом сдерживаемое дыхание, в котором слышалось облегчение. Прошлая жизнь была как кошмар, и, благодаря небесам, он проснулся от него и понял, что всё ещё можно исправить.

Наставник Хуэйань говорил, что жизнь и смерть — это иллюзия, но он не понимал этого.

Возможно, именно из-за этого «непонимания» он всё ещё так сильно беспокоился о жизни и смерти. С тех пор как он вошёл во дворец в прошлой жизни, награды и наказания судьбы были крайне резкими. Начиная с того дня рождения, который Ин Цань устроил для него, Ин Цань был мастером в разговорах о любви, а он сам считал себя гением, но на самом деле лишь теоретизировал.

Лучше бы они никогда не встречались, ведь любовь похожа на безразличие. Он, привыкший к романтике литераторов, считал, что редкая каллиграфия, которую он хранил, была выражением любви Ин Цаня к нему. Но он забыл, что перед ним был император, и что он мог получить всё, что пожелает.

Цзыцин долго ждал ответа и, не выдержав, обернулся, чтобы взглянуть на Ин Цаня.

Ин Цань сидел на мягком ложе, плотно сжав губы, и смотрел на него с глубоким недоумением. Он слегка нахмурился, но в конце концов спросил:

— О чём он думал?

Такой Ин Цань был редкостью. Он словно следовал его мыслям, но в то же время был готов утешить. Цзыцин внезапно очнулся и осознал, что, возможно, сказал слишком много.

— Он думает «почему», — улыбнулся Бай Цзыцин, продолжая мысль. — Поэтому это вечная проблема. После того, как дело с Чжан Сюнем будет завершено, ты начнёшь проводить реформы, чтобы устранить недостатки в системе государственных экзаменов?

— Ты используешь вчерашние события, чтобы отвлечь меня, и одновременно меняешь тему, — медленно кивнул Ин Цань. — Очень хорошо.

Цзыцин знал, что не сможет его обмануть, и только высунул язык.

— Тогда я не буду спрашивать. Но когда будет дворцовый экзамен, я могу прийти посмотреть, правда?

Ин Цань слегка улыбнулся.

— Чжан Сюнь действительно не из семьи Бай?

— А если бы был? А если бы не был? — ответил Цзыцин. — Мне его порекомендовал другой человек. Получит он в итоге звание чжуаньюаня или нет — мне одни выгоды.

— Какая польза?

— Подумай сам, в будущем он станет, самое большое, чиновником. Если у меня во дворце возникнут какие-то проблемы, что я не смогу решить, в важных делах я обращусь к матери, а в мелочах — к друзьям. Разве не удобно иметь такого знакомого?

Вероятно, из-за этой уверенной фразы «обратиться к матери, положиться на друзей» Ин Цань рассмеялся. Он снова спросил Цзыцина:

— А если он не станет чиновником?

Цзыцин развёл руками.

— Ну и что? Я не давал ему денег и не возлагал на него надежд. Никаких потерь, правда? Только польза.

— Ничего не получить — это польза?

— Конечно! Почему нет? — возразил Цзыцин. — Бывает же, что человек идёт по улице среди бела дня, а его обвиняют в краже шпильки Жуи... В общем, если нет вреда, нет и затрат, и все остаются при своих — это лучше всего.

Ин Цань подвинулся ближе, словно не услышав последней части, но заинтересовавшись первой.

— Какая шпилька Жуи?

Цзыцин закатил глаза.

— Это когда я встретил в Императорском саду твоих «красавиц». Ты спросил, зачем мне шпилька. Она не такая уж красивая, и я сам её носить не могу...

Ин Цань внимательно осмотрел Цзыцина с головы до ног и кивнул.

— Нужно найти кого-то, кто сделает тебе украшения.

— ...Не хочу и не буду носить!

Ин Цань, увидев, что он снова пытается уйти, не стал подходить ближе, а, облокотившись на подушку, полужакрыл глаза.

— В последнее время я часто вспоминаю, как впервые тебя увидел...

— Когда мне был год?

— ...На ночном рынке во время храмового праздника! — Ин Цань с легким раздражением отвёл взгляд, словно потерял интерес... всё равно Цзыцин не хотел слушать.

Карета проехала половину пути, когда Цзыцин вдруг что-то вспомнил. Он снова заговорил с Ин Цанем, попросив показать ему экзаменационные работы Чжан Сюня и других. Ин Цань отказал, и они начали спорить, так что даже евнух Цинь услышал.

Евнух Цинь тихо рассмеялся, карета въехала за дворцовые стены и замедлила ход, он сделал жест «тише» нескольким маленьким евнухам рядом.

Император в обычные дни был не таким разговорчивым.

В прошлой жизни отношения Цзыцина с евнухом Цинем были нейтральными, и в этой жизни он тоже не пытался с ним сблизиться. В конце концов, Ин Цань был непростым человеком.

Они спорили всю дорогу. Ин Цань потребовал, чтобы Цзыцин безоговорочно выполнил одно его желание. Цзыцин отказался, предложив другое, но Ин Цань не согласился, сказав, что иначе ничего не покажет.

Цзыцин бросился к нему, схватив за рукав.

— Какая разница? Экзамены уже закончились!

Ин Цань оттолкнул его.

— Всё равно не дам.

— Ин Цань!

Евнух Цинь тут же ахнул:

— Господин Бай, так нельзя обращаться...

— Ничего, — безразлично отмахнулся Ин Цань. — Я привык.

— ...Тогда я договорюсь с тобой: я больше не буду звать тебя по имени, — Бай Цзыцин поднял правую руку. — Клянусь.

Ин Цань посмотрел на него некоторое время.

— Хорошо, если ты будешь называть меня «мужем».

— ... — Цзыцин безнадежно посмотрел на него. — Тогда забудь, не буду и смотреть. Он повернулся и направился в Чертог Ганьлу, а Ин Цань пошёл в другую сторону, в кабинет, чтобы разобраться с накопившимися делами. Сегодня вечером его ждала работа.

Как только Цзыцин вернулся в Чертог Ганьлу, Сяо Цзю радостно сообщил ему, что Ин Цань разрешил им готовить еду самостоятельно.

Цзыцин не понял, что в этом такого особенного.

— Разве мы раньше не... Ой, нет, я хотел сказать... Разве не у многих так?

Сяо Цзю с недоумением посмотрел на него.

— Нет, кроме госпожи Синьи, даже у господина Фана нет такого. Император сказал, что боится, как бы вы не остались голодным, поэтому и разрешил.

Голодным? Что значит «голодным»??

Ин Цань точно не пытался над ним подшутить? Цзыцин был глубоко в этом сомневался.

В Чертоге Ганьлу все были людьми Ин Цаня. После того как Цзыцин установил свои правила, все, казалось, считали его капризным и трудным молодым господином. Однажды он спросил Ин Цаня, куда он переедет, но тот многозначительно ответил: «Ты уже забрал всё, что тебе понравилось в Чертоге Ганьлу?» — и Цзыцину пришлось сменить тему.

В прошлой жизни его дворец находился на берегу озера Хуаньюэ к востоку от Императорского сада, с самым красивым видом во всём дворце. Но Ин Цань не знал, что он не любил любоваться пейзажами. Вместо этого он больше любил, или, скорее, завидовал маленькому дворику Фан Цзина.

Фан Цзин, который не имел особых знаний в культуре, но выглядел как настоящий интеллигент, обожал пионы. Ещё в доме Бай он слышал от Сувэнь, что Ин Цань подарил Фан Цзину дворец с маленьким садом. Император разрешил господину Фану сажать то, что он хотел, и тот засадил весь сад пионами, а также нанял лучших мастеров для производства благовоний.

В государстве Ин был праздник Двенадцати Цветочных Богов, и в мае, когда цвели пионы, во дворце устраивали пир в его саду, сочиняли стихи и пили чай из пионов. Это было очень шумно.

Цзыцину всё это было неинтересно. Сяо Цзю рассказывал, что его мечтой когда-то было стать поваром... Конечно, эта мечта не сбылась, но усилия не прошли даром.

Ин Цань разрешил им готовить самостоятельно, и Цзыцин решил дать Сяо Цзю возможность проявить свои способности. Он сам выбирал блюда, и Сяо Цзю готовил то, что хотел, а если не мог, то передавал заказ поварам императорской кухни.

В этот раз Цзыцин, как и ожидалось, переел. Он встал, держась за поясницу, и решил прогуляться, чтобы переварить еду.

На улице уже стемнело, и Сяо Цзю, держа фонарь, шёл рядом с Цзыцином, когда они случайно столкнулись с большой процессией Фан Цзина. Цзыцин не видел его несколько дней и заметил, что он снова похудел, его подбородок стал острым, а глаза казались ещё больше.

Увидев длинную вереницу фонарей, Цзыцин инстинктивно остановился. Но Фан Цзин был Фан Цзином. Если Юань Синь увидела бы его, она бы обошла стороной, но Фан Цзин подошёл и собирался поклониться.

— Господин Фан, вставайте. Уже поздно, куда вы направляетесь? — спросил Бай Цзыцин, похлопывая себя по животу.

<http://bllate.org/book/16479/1496831>